

МИХАИЛ ПЕТРОВ

СТО ДОЛЛАРОВ НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

ПОВЕСТЬ

1

Александр Иванович Тряпкин, для друзей и знакомых — Санька, жил один в собственном доме. В свои сорок пять был он всё ещё холост. При живой матери, правда, собирался обзавестись семьёй, а как мать похоронил и потерял работу, мысль жениться сама собой заглохла. Женщины в его доме появлялись, но лишь на время. Санька был строителем, для заработка нередко надолго уезжал на халтуры и недвижимость на них не оставлял.

С тем очередной его роман и завершился.

И сейчас у него имелась женщина, Наталья. Связь их длилась уже более года. Наталья с восьмилетней дочкой Веткой жили в общежитии для малосемейных, он у себя. Наталья ему нравилась, но он уже привык жить самостоятельно, брака страшился.

Как всякую женщину, Наталью такое положение не могло устраивать, изредка она заводила с ним разговор о более серьёзных отношениях, но всегда как бы шутя. А нынче весной он сам почувал, что Наталья стала не та. Раньше, несмотря на её полусутольные разговоры о браке, Саньке казалось, что она за него не держится: стесняется его перед подругами, терпит, как говорится, до поры до времени, а подвернётся человек посолидней или помо-

---

ПЕТРОВ Михаил Григорьевич родился в 1938 году в Омской области. Окончил Литературный институт. В 1991 году создал журнал "Русская провинция" и более десяти лет возглавлял его. Автор книг "Сны золотые", "Затяжная весна", "На пустыре", "Отвергнутый камень" и других. Член Союза писателей России. Живёт в Твери.

ложе, она и хвостом вильнёт. Как-никак, разница в 14 лет. А тут перестала шарахаться от него на людях, зачастила к Саньке с дочкой, пыталась помочь по дому. Санька настрожился. И соседки запоглядывали на него с особой женской хитрецей. Так-то, мол, дружок, сколько верёвочка ни вейся, а... Причина перемены в её поведении раскрылась вскоре ночью и повергла Саньку в шок.

— Саш! — Никогда так его не называла, все Саня да Сань. — А я беременна.

— И что?.. Ты же предохранялась, таблетки пила... Потом у тебя ж было такое, рассосется... — Она фыркнула... — Ерунда какая-то... Когда ж это случилось?

— А ты вспомни, вспомни, Саш, если ты не деревянный! Это же не бывается... — Помолчали. — Саш, беременна... Два месяца уже. Как раз вчера... Не вспомнил?

И как в рот воды набрала. Вспомнил, конечно, но разговор не поддержал. Так, молча, он её и проводил под утро до общежития. Пел соловей на Ручьях, а они молчали. Ни звука больше об этом. Санька понервничал дня три, потом успокоился, думал, пронесло. А тут майской ночью, горячо прижавшись к нему, стала вдруг подробно расспрашивать его о брате и старшей сестре: как живут? где? как зовут жену брата, Катиного мужа, их детей. Тут уж Санька разом понял: дело нешуточное. Откуда-то выскочила испуганная мысль: “При чём тут брат? Сестра? При чём?” А сам уже хорошо понимал, при чём. Когда же Наталья в дальнейшем разговоре стала называть всех по именам, не ошибаясь, как близкую и давно знакомую родню, он по-мальчишески струсил и отвернулся к стене.

Одеваясь под утро, она сказала так, будто приговор читала:

— Ладно, Санька, с тобой всё ясно. Готовь две тысячи, большего от тебя я и не ждала! Аборт здесь делать не буду, поеду в Шахтёрск или ещё куда! Тут потом всю спину пальцами истычат, а на отпускные мне Ветку надо к бабушке отправлять. Так что на две тысячи изволь раскошелиться. Любишь кататься, люби и самочек возить. Или рожу тебе такого же дебила.

Санька ни разу в подобных переделках не бывал, почувствовал себя кругом виноватым, мысли роились в голове, как лесная мошквара: “А если не от меня? Никогда ж не было такого!.. А правда, дебила родит? Засмеют же! И на какие шиши троих содержать, сам перебиваюсь с хлеба на воду?.. Или, Бог даст, пронесёт?..”

Когда Наталья оделась, Санька довёл её до общежития, вернувшись, рухнул на диван прямо в кроссовках и часов до девяти пролежал с закрытыми глазами, не зная, как ему действовать. Обидней всего заедало её язвительное требование дать две тысячи, будто он никогда не давал ей денег. Вот самочка!.. И какой рассчитанный и коварный удар!..

2

Не умея решить такой сложный вопрос сам, Санька пошёл к своему старинному приятелю Виктору Ротанину по прозвищу Диктор. Ротанин хоть и был на два года моложе Саньки (с годами эту разницу уловить по их лицам было всё сложнее), но со школьных лет являлся для него авторитетом во всяких трудных и запутанных вопросах. Санька нередко прибегал к его советам, особенно по части женщин. Ротанину это льстило, здесь он и сам считал себя знатоком просвещённым и тонким.

Ротанин и в посёлке слыл докой по женским вопросам, был трижды женат только официально. Он не пил, курил только сигареты с фильтром, никогда не ругался матом и, по мнению сходненских женщин, являлся самым сексуальным мужиком Сходни. Ротанину добавляло веса то, что он имел престижную работу, работал начальником районного ретранслятора, а по совместительству диктором на местном телевидении, имел чёрную “шестёрку” с тонированными стёклами и отдельную однокомнатную квартиру в райкомовском доме в центре посёлка. Когда-то квартира в этом же доме была, прав-

да, трёхкомнатной, но две неудачные женитьбы сузили жизненное пространство Диктора.

Квартира Ротанина встретила Саньку привычной полутьмой. Хозяин её любил тёмные шторы не только в рабочем кабинете, но и дома. Встретил Саньку на тахте в любимой своей позе: правая рука подпирала подбородок, левая в задумчивости держит сигарету.

— Ты, Санька? Что-то давно не приходил. Что-нибудь серьёзное? Присаживайся в кресло, рассказывай. Новость узнаю первым... — и он посмеялся язвительным ротанинским смешком.

Диктор был помешан на электронике. Имел собственную цифровую камеру, цифровой фотоаппарат, письменный стол его опутывали провода, какие-то загадочные приборы. Кругом аппаратура: домашний кинотеатр с плоским экраном в полстены, компьютер, колонки, новейший видеоплеер, звуковой центр, диктофоны, записывающие устройства, осветительные лампы, о назначении которых знали только его пассии. Черный книжный стеллаж с книгами по эротической тематике и висящие на стенах фотографии голых и полуголых девиц венчали интерьер. А из-под стеллажа всегда наплывала тихая и непонятная Саньке музыка. Санька не раз использовался в качестве живой силы для перевозки вещей товарища при размене квартир и хорошо знал всю его подвижность. Он покорно опустился в кресло.

— Так, — протянул Диктор, внимательно его рассматривая. — Пришёл притихший, весь озабоченный. Не иначе как женщина замешана. Кто? Говори, Санька, иначе совета не будет. Ведь за советом пришёл?

Честно говоря, больше, чем интерьер и убранство квартиры хозяина, Саньку удивляла интуиция Диктора. Вроде вместе лазали по огородам, играли в футбол, ходили на танцы, но по прошествии лет казалось ему иногда, что он так и остался в мальчишках, а салажонок Витя по жизненному опыту давно годится ему в отцы.

— Так кто же, Сань?

— Наталью знаешь? — осипшим от волнения голосом спросил Санька. — Только ты, это, никому не говори.

— Мог бы не просить, обижаешь. Когда я тебя продавал, старик? Это та школьная рукодельница, с которой тебя как-то в кино видел?

— Она самая.

— И чего говорит? Залетела, мол, да? — он затаился сигареткой, внимательно изучая цепкими глазами реакцию Саньки на свои предположения. — Плачет... Клянется, что таблетки принимала по инструкции, как положено... Ну, колись, Санька! Знаю я их, стервоз.

Санька совсем растерялся: будто подслушал Диктор их ночной разговор с Натальей.

— Ты не юли, я давно за ней наблюдаю. Думаю, на ком же она проявит свою бабью сущность. Рассказывай, Сань. Всё рассказывай.

— Да что рассказывать, ты уже всё рассказал.

Диктору это польстило:

— Мы же рядом с ними мотыльки, Сань. Они решают, кем оплодотвориться, как и в животном мире. Не обижайся только. Мы мотыльки, а любая женщина, самая даже глупая — это пре-муд-рость... Давно заметила?

— Третий месяц вчера пошёл.

— И что говорит?

— Говорит, что таблетки пила по инструкции, как всегда. — Санька вяло улыбнулся.

— Уверен, что от тебя?

— Вроде да... Хотя кто знает...

— Вроде... На это у них, тварей, и расчёт. Сколько ей? Лет тридцать пять? Тридцать два!! Ты что?! По дороге на свидание в таком возрасте они вполне могут ещё к двум таким, как ты, в постель нырнуть. К гадалке не ходи. Самый опасный возраст, Сань! Не делай квадратные глаза, ты баб не знаешь. Никогда не доверяй им в этом деле. У тебя один союзник против них. Знаешь, продаются такие кругленькие нежные ободочки в аптеке? Помнишь, как они называются? А почему стесняешься купить? Ведь стесня-

ешься? Вижу, что стыдишься. Попроси меня, я тебе штук сто сразу куплю, на год, будешь пользоваться и меня благодарить. Копи деньги, это тебе рублей в шестьсот обойдётся, — Диктор фыркнул, — если хочешь, конечно, иметь надёжный инструмент и хороший секс. Очень, знаешь ли, сберегают нервную энергию. И всякие сомнения оставляют. Я не доверяю ни одной. Знаю этих тварей. А пуще всего они ценят сомневающихся мужиков. Как заметят в глазах сомнение, считай, пропал.

— Все, что ли, такие?

— Голубь ты мой сизокрылый! Оставь сомнения, ты же не Карл Маркс. Все! Все! Глупость наша мужская в том, что мы представляем женщину ангелом, а себя порочными совратителями, преступниками, которые за её зачатие должны потом всю жизнь быть у неё в рабах. Всё с точностью до наоборот. Общества эти позорные феминистские организовали. Женщин в России уже скоро будет в два раза больше, чем мужчин, а они все себя защищают. Да баба, Сань, главная причина вымирания русского этноса. Её алчность, безнаказанность, лень, неумелость. Они нас совращают — не мы, они — и пользуются нами, как хотят. Запомни это и выкорчуй из сердца чувство вины перед женщиной. Из-за них, тварей, нас и из рая выгнали. Слышал такую историю? Если мне не веришь, прочти Святое Писание. Всё идёт к тому, Сань, что вместо мужчин они устроят на Северном полюсе банк сперматозоидов в виде ледяного фаллоса и будут летать туда и оплодотворяться из шприцов. А нас попросту спишут. Так уже было, Сань. Про амазонок слышал? Не простит им Господь их алчность ненасытную.

Санька молчал, не зная, шутит Ротанин или говорит серьёзно. Всякое он слышал от него, но такое впервые...

— Но я понимаю и её, — продолжал вслух размышлять Диктор, вкусно покуривая сигаретку.

— У неё девчонка, ведь, кажется, да? В Сходне никого нет, аборт в нашей больнице она делать не будет ни за что, боясь огласки. Выход один: ехать в областную больницу или, на худой конец, в Шахтерск, на Москву твоих денег не хватит. Денег просила?

Санька опять растерялся, не зная, что ответить. Правду? Приятель и так её знал. Соврать? Но зачем, если совета пришёл просить?

— Не мямли, никому не скажу, знаешь ведь. А по глазам вижу, что просила. И я бы на её месте попросил. Сколько? Тыщи две-три? Это нормально, Сань, другие больше просят, с походом. Денег дай, но на аборте не настаивай. Дай и уйди. Зачем тебе брать на душу её грех? Придёт время, она всё против тебя обернёт. Как другу, конечно, я мог бы в Сходне и помочь, но к тем, кто здесь этим занимается, обращаться не советую. А вот если нужно втихую ультразвуком проверить, сделать тест на беременность, узнать пол, подсылай, сделаем в райбольнице, есть у меня там кадр. Подаришь души, молчать будет, как рыба. Деньги, наверное, нужны?

— Не в деньгах дело. Такое ощущение, будто шёл по улице и по башке сосулькой бах! Честно. Причём ни за что. Или нечаянно прибил кого-то, такой же страх.

— Нормальная реакция мужика по такому случаю. Всё существо, наверное, кричит: “Не я, не я, не хочу, не надо!..” Ведь первый раз попался? А у меня трое!

— Ладно, не издевайся. Действительно, не ждал, не верил, не хотел. Всякие меры она брала на себя. По своей охоте.

— Но денег нет, Сань. Двоим алименты плачу, на двух работах вкалываю.

— Денег найду, — махнул рукой Санька. — Мне Бибо три штуки должен...

— Весь посёлок опутал! — состроил презрительную гримасу Диктор.

— Хоть стеклоочистителем народ не травит. Палёная, плохая, осетинская, но не умирают же.

— С отсрочкой на 5—10 лет. Циррозников у нас увеличилось в два раза. Вот если есть Бог, в чём я не уверен, твоему Бибо на том свете черти печень раскроют и заставят синиц её выклёвывать. По чуть-чуть, как зимой

они сало выклёвывают, но чтобы он прудил от боли. Как те мужики, которые у нас в больнице от боли прудятся.

— Я его не защищаю.

— Засадил, гад, у Клавки Семенкиной отца и держит за долги в своём подвале. Средневековые в центре России развёл. И ведь не его первого в застенках держит. А главное, и милиция, и прокуратура — все молчок. Клавка побежала к участковому, а он и говорит: “Пусть сами решают, мы в это дело не вмешиваемся”. Клавка ему: “А если помрёт?” — “Вот тогда и приходи”.

— За что он его, говоришь?

— За долги.

— Я его дважды уже посадить должен. Три тысячи не отдаёт с середины марта. У отца её большой долг?

— Тоже три. Клавка просила займы, я не дал, хоть и родственница. Пусть, думаю, посидит, может, одумается. А знаю, что не одумается. Но там его Бибо хоть кормит. Опять ведь начнёт попрошайничать, пьянствовать. А он там у него бутылки отмывает, этикетки клеит... Куда летим? Не стало жалко человека, вот в чём беда. Копаются он на помойке, ты проходишь, как мимо собаки, только глаза отвернёшь, когда на знакомого наткнёшься. И всё. И медицина своё назначение забыла.

— Я думал, до нас эта беда не докатится. С Пашкой ещё поспорил, говорю, это язвы больших городов, не может человек в Сходне докатиться до полного распада. Пашка придет к матери: “Ну, Сань, не появились ещё бомжи?” Вроде: прилетели грачи перестройки или нет? Скрывал я даже, когда Перлов забомжевал. “Нет, Пашка, не появились, чирей тебе на язык, и не появятся, не дойдёт до нас весна перестройки”. Дошла. Грачи прилетели.

Диктор поехал на своей “шестёрке” в редакцию, а Санька пошёл к Бибо, владельцу вино-водочного магазина в центре села. Разговор с Ротаниным Саньку не успокоил. Шёл, перебирал в голове диалог с Виктором, вспоминал его бросающие в дрожь доводы:

— Это твари!.. Знаешь, что? В Шахтерске зайти бы тебе к Глебу Воскресенскому, да говорят, что он уволился из больницы. Боюсь соврать, куда, но чуть ли не в церковь... Дура она, нищету плодить? Дарить детей этим ублюдкам, в мир, где один обман, где страх. На органы растить будет?... Ты посмотри: всё пожирает жадная оголтелая зарвавшаяся верхушка, всякая местечковая шмазь, со всех республик налетели, как сарынь на кичку. Ни пенсий нормальных, ни работы, все загребли. Даже родить нормально негде. Своих баб отправляют рожать в Лондон, Берлин, а наших принимают в роддомах, которые морально устарели, заражены стафилококком...

Санькина душа негодовала от всех этих слов, но аргументов не находилось. Так и дошёл до торговой конторы Бибо в душевных борениях.

Бибо задолжал ему деньги за настилку полов в новом магазине и три месяца тянул с расчётом, предлагая каждый раз какую-нибудь аккордную работу на сто — сто пятьдесят рублей, хотя стоила она много дороже. Повадка у Бибо была такая — держать работягу на крючке, чтобы платить ему поменьше. Жадный был страшно.

Выслушав Саньку, Бибо денег не пообещал, сделал вид, что задумался. Стал звонить куда-то, долго говорил по телефону на осетинском. Потом вскричал:

— Что сидишь? Ходы магазин, вставь два новых витринных стекла. Двести плачу! А вечером зайди. Слышал, кореш сто тысяч не отдаёт, сейчас я ему звонил? Может, отдаст... Тогда я тебе...

Работа стоила много дороже, но Санька согласился. Спешил, подгонял напарника. С первым стеклом справились к обеду, а второе Санька слишком круто приставил к стене. Было ветрено, и пока он отошёл за дредлю, порыв ветра отделил стекло от стены, оно пошаталось, отражая вывеску магазина и пуская ослепительных зайцев, и грохнулось об асфальт.

Саньке показалось, что выбежавший на шум Бибо даже обрадовался разбитому стеклу. Вынул из папки какую-то бумажку, поелозил по ней толстым рыжеволосым пальцем и сказал:

— С тебя два тища. Тища пятьсот за стекло и четыреста за доставку из Москвы. Собери стекло и зайди, завтра тища твою отдам.

— А сто за что? — спросил Санька хриплым от внезапного горя голосом.

— Каких сто?

— Тысяча пятьсот и четыреста — будет одна тысяча девятьсот.

— Смотри, считать умеет!

Бибо снова задумался.

— Сто будет за моральный ущерб.

Тогда и вспомнил Санька про стодолларовую купюру, которая у него лежала на чёрный день уже года четыре...

3

Эту стодолларовую купюру вуучил Саньке один москвич, “новый русский”, за печь, которую Санька сложил москвичу на даче. Санька никогда с валютой дел не имел, поначалу даже брать купюру в руки не решался. Потому долго вертел её в руке, блеклую и, как ему показалось, похожую на лотерейный билет, лицом выражая презрительное недоумение, но хозяева с таким жаром стали уговаривать взять в уплату “зелёный”, расхваливая его немислимые достоинства, что Санька сдался. Подумал: “Да хрен с вами, москвичами, может, и не брешете”.

— Через год спасибо скажешь, когда за эту бумажку тебе дадут не шестьсот, а все семьсот, а то и восемьсот, — ласково тараторила Лариска, жена хозяина, довольная, что Санька хоть и с выражением недоверия на лице, но прячет купюру в карман, и им не придётся ехать в город в обменный пункт.

Тараторка дело знала. Через неделю случился дефолт, и доллар стремительно попер вверх. К концу года за сто долларов давали уже больше двух тысяч рублей, через год и все три. Поражённый этим, Санька отложил купюру. Бывали у него случаи редкого безденежья, как говорится, когда в кармане вошь на аркане, на хлеб копейки собирал, но купюру ту не тронул. Как заворожила его!

Дома нашёл спрятанную на чёрный день купюру в шкафу под бельём (подзабыл уже, где и прятал), решительно подумал: “Да хрен с ним, с долларом! Потом себе же дороже станет...” Кляня себя за оплошность, вложил доллар в паспорт и пошёл в Сбербанк. Но оказалось, в их Сбербанке валюту не обменивали, не вышел статусом. Бесцельно пошлявшись в центре, Санька направился к своему компаньону Петьке в надежде, что, может быть, Петька обменяет ему зелёную бумажку.

Петька до развода с женой тоже занимал трёхкомнатную квартиру в двух уровнях, правда, на краю городка, у нефтебазы. Однажды его жена Тамара, ни слова не говоря, собрала детей и уехала к родителям. Навсегда. Появилась только на суд по разводу и размену квартиры. По суду ему досталась домушка в два окошка и огород. Что Тамаре не понравилось в Петьке, здешние бабы не могли взять в толк, даже пытались помочь ему подыскать новую спутницу жизни. Человек он был насквозь положительный: не пил, не курил, неплохо зарабатывал, стоял даже в очереди на машину. Но неудачи на том не закончились. В 91-м году его “Жигули” незаконно продали председателю райпотребсоюза Посавлюку, а затем в одночасье спорели и все накопления на книжке.

С тех пор Петька стал падать в женском общественном мнении. Потрясённый случившимся, Петька ударился в учение Порфирия Иванова, стал выходить на снег босиком, обливаться зимой из ведра прямо у колонки и питаться растительной пищей. Когда же его ПМК закрылась, он объявил, что теперь займётся только собой, работать никуда не пойдёт, а на прожитье ему и овощей со своего огорода хватит.

Жил Петька на Заовражной. Домушку перенёс в глубь огорода, к оврагу, обосновался, как на хуторе. Чтобы попасть к нему в дом, нужно было пройти тропинкой до угла дома, потом повернуть и идти мимо окон, потом ещё раз повернуть уже к крыльцу. Огород отделялся от тропинки кустами

крыжовника и смороды. Мужики не любили Петьку за это: даже луковицы не сорвать на закуску, звали скобарем. Петька действительно приехал сюда из Псковской области, был по-скобарски запаслив, расчётлив и хитёр. Въехав в этот домик после развода с Тамарой, он все свои заработки на стороне вкладывал в его усовершенствование. Перебрал сруб, перекрыл крышу, обил внутри вагонкой. Было время, и его величали Петром Васильевичем, возглавлял строительный участок, и Саньку звали Александром Ивановичем, тот ходил в прорабах “Сельстроя”. Не одно зернохранилище построили они в районе, не один скотный двор. Теперь изредка ездили вместе на халтуры. Да не особенно их и брали строительные бароны на работу, всё чаще дешёвых таджиков да узбеков, которых держали рядом со стройкой где-нибудь в сарае, как скот, пугая русскими националистами.

Узкоплечий, с большой лохматой головой Петька встретил его на крыльце пучками редиски и укропа в руках. Они прошли на кухню, где Петька стал крошить в миску вымытую редиску прямо с листьями, попутно уверяя Саньку, что так едят узбеки и что такая редиска вкусней и полезней. В доме было чисто, уютно, пахло свежей мятой, разбросанной по углам. Петька был небольшого росточка, двигался по-женски кругло, мягко, готовя салат, надел передник. И интонация в его голосе звучали женские, скобарские. Саньке, глядя на него, всегда приходило в голову одно и то же: “Мужчина”. Санька, отведав его салата, подтвердил, что узбеки действительно не дураки, но есть редиску с ботвой не пообещал. А пока Петька завтракал, рассказал ему про свою нужду.

— А ты темнило!.. Что ж ты его мне раньше не показал? — укорил Петька за непоказанный доллар, понимающе улыбаясь. — Ремонт начинаешь?

Санька давно покупал стройматериал на переделку дома, но в решительный момент всегда что-нибудь случалось: то инфляция, то дефолт, то родственники с неотложной просьбой, то непредвиденные расходы — и ремонт откладывался. Сказать правду Санька не решился, был Петька и по-бабы болтлив. Скажи — завтра полседа знать будут.

— А что звонить-то? — скрыл он истинную причину прихода. — Чтоб все узнали, что у меня зелёный завёлся?

— И, может, не один!.. Но мне-то мог сказать... Ну-ка, ну-ка, дай мне посмотреть эту облигацию американского займа, выпущенную для поддержки богатейшей Америки русскими нищими. — Петька двумя пальцами взял купюру и, подчёркнуто прихмыкивая, стал разглядывать её. Как выяснилось, живого доллара он в руках ещё не держал.

— Облигация? Почему облигация?

— А ты прикинь! Это у них доллар дензнак, они им пользуются, а ты его под подушкой квасишь. Мы за эти баксы им нефть или сталь поставили, а ты вместо того, чтобы обменять их на товар, положил баксы под подушку, то есть изъял из мирового торгового оборота. Это совсем не по-капиталистически, но янкам от нас только того и надо. На это у них и расчёт. Им выгодно, чтобы олигархи наши превращали рубли в баксы, сиречь в облигации американского займа, а мы складывали под матрац на чёрный день. Мы их прячем, а они нам, обалдуям, ещё фантики печатают да на них нефть нашу покупают. За бумажки. За это они наших кудрявых по головкам глядят и счета им в Швейцариях открывают. А облигации, заметь, пустые. Помнишь наши трёхпроцентные? В любую сберкассу их неси, тебе ещё с походом обменяют. А мы у янки ниже номинала эти бумажки покупаем и под матрацы прячем. Прикинь, сколько нас, таких дураков. А по всему миру? Негров всяких, тайцев, индонезийцев. Не мы им, они нам миллиарды должны, мошенники херовы. Собрать бы сейчас по России всю их зелень, да предъявить к оплате. И обанкротить всю Америку, купить её с Аляской вместе. Он у тебя не фальшивый?

— Стопроцентно нет!

— Очень уж блеклый какой-то!..

— Один олигарх за камин в 98-м рассчитался. У него наших не было, одни эти.

— Сам ты олигарх! Четыре года прятал! Точно проверял, не фальшак?
— Я что, в людях не разбираюсь? Не могли эти фальшивый дать. И адрес знаю, живут под Волоколамском. А что старый — хорошо, значит, не фальшивый.

— Кстати, твой олигарх мог и не знать, что доллар фальшивый. Как получил от кого-то, так и отдал. А ты потом доказывай, что не верблюд. Он пошлёт тебя вместе с ментами далеко-далеко, потому что расплачивался с тобой без свидетелей.

— Свидетели были, жена его видела!

Петька упал на диван, задрывал мальчишковыми ножками:

— Ну, насмешил, Санька, ну, насмешил! Жена видела!.. Ты соображаешь, что говоришь? А где обменивать собрался? В Сходне?

— В Сходне не меняют, только что из сберкассы.

— Дыра! — согласился Петька. — Может, твой Бибо обменяет?

Санька затосковал. Упоминание Бибо вызывало у него аллергию.

— Спасибо, я лучше в Шахтёрск съезжу.

Санька выдержал паузу, проверяя Петьку на вшивость. — Сотню потеряю, зато развеюсь, с зимы никуда не выезжал.

Петька тем временем заварил чаю со зверобоем в алюминиевом ковшике, налил по кружке почти чёрного отвара.

— Не пойму я, Санька, что мы за народ такой?

— А чем тебе свой народ не нравится?

— Всю дорогу ждём чего-нибудь. То отмены крепостного права, то царя хорошего, то энергичного и молодого генерального секретаря, то не брехливого президента. То ждем, когда коммунисты совсем уж испортятся, загниют и в вонючих демократов переродятся, чтоб снова нас повести, но тока теперь в капиталистическое будущее. Те же самые нам на голову сели и тем же самым погоняют: ждите. Вот и ждём, когда они сверху донизу наворуются и нам копеечку к пенсии прибавят. На подорожавший хлеб, чтоб мы с голоду не окочурились. И хорошо, если прибавят, а не слинянут с нашими деньгами, как Березовский с Гусинским и иже с ними.

— И что ты предлагаешь?

— Надо выходить из спячки!

— За вилы предлагаешь браться?

— Почему сразу за вилы? Ты брось эти буржуазные пугалки. Нужно не бояться и каждому требовать, чтоб с тобой обращались не как с быдлом, а как с человеком. Бибо тебе три месяца не отдаёт получку и крутит эти деньги себе в карман. Сколько уже накрутил? А ты ждёшь, когда он наворуетя и сам отдаст. Не наворуетя он никогда, пока его ты за руку не поймаешь.

— Петька, но ты же сам такой!

— Про то и говорю, Сань!..

— Может, всё-таки ты разменяешь этот чертов зелёный? А, Петь? — сдался Санька, поняв, что Петька нужду его сам к сердцу не примет.

— Я? Ты за кого меня принимаешь? Я ещё не совсем охерел, чтобы чужие деньги покупать. Да у меня и всего-то полторы тыщи в зачатке. Деревянными, конечно.

Уразумев это, Санька упрашивать приятеля и компаньона не стал, пошёл готовиться в поездку в Шахтёрск...

4

Нищему собраться — только подпоясаться. Дома Санька достал свои новые джинсы, ярко-синюю тенниску, простирнул носки и завалился спать, потому что автобус на Шахтёрск отходил рано, в шесть утра.

Заснуть, однако же, сразу не смог. Ночь выдалась шумная, ветреная, видно, менялась погода. Большой дом всю ночь скрипел, крихтел, хлопал оторвавшейся где-то доской, и временами казалось, вот-вот рассыплется. Санька даже и не понял, спал он или только забывался. Раздумался о предстоящей поездке, о Наталье; раза два за ночь грезилось ему одно и то же ду-

рацкое видение: он сидит один в районной кочегарке перед огромной топкой, в которой бушует холодное гулкое пламя. Пламени не видно, но оно гудит, хлопает, как забытая простыня на ветру, с треском рвётся, уносится вверх. С тем и очнулся.

Погода за ночь действительно переменялась, ветер утих, потеплело, загудели майские мухи. Наказав своему псу Тархуну никуда со двора не отлучаться, Санька налил ему в миску прокисших щей, потрепал по загривку. Когда они с братом росли, мать держала кур, поросёнка, корову, но со временем хозяйство усохло до десятка кур. А после смерти матери от её завода остался только пёс Тархун.

До Шахтёрска от Сходни час езды. “Икарусы” в недалёком прошлом и быстрее летали, но уже лет пять стало невыгодно гонять лайнеры: не стало пассажиров. Лайнеры заменили на малогабаритные “пазики”.

В лесу цвела черёмуха, в палисадниках сирень. Дорогой он вспомнил рассказы матери и отца, как после войны они хаживали до Шахтёрска и назад пешком, тогда это никого и не удивляло. В пять утра выйдут по холодку, к обеду, если попутка не подбирала, приходили в Шахтёрск. На другой день так же и возвращались. Да он сам подростком раза два ходил в Шахтёрск пешком, с которым только в начале шестидесятых наладились более или менее постоянное автомобильное сообщение, а в шестидесятых и автобусное. Вспомнил и какой оживлённой была дорога ещё десять лет назад: с грохотом мчались по ней самосвалы, колёсные трактора тащили тележки с навозом и силосом, с молочными бидонами. Тащились скотовозы со свиньями и бычками. Бывало, и ночью она не умолкала. Сегодня навстречу рычали лишь угрюмые лесовозы, доверху набитые лесом. А обгоняли одни легковогошки...

Около восьми утра Санька уже был в Шахтёрске. Утро поманило удачей. По пути в Сбербанк Санька завернул в хозяйственный магазин, где обратил внимание на ящик с витринным стеклом. Лист стекла здесь стоил всего 300 рублей. Удивлённый Санька поинтересовался, нельзя ли доставить стекло в Сходню.

— Плати деньги и оставляй адрес. Завтра машина идёт в Сходню на рынок, доставим.

— А сколько за доставку?

— Сто пятьдесят устроит? И пятьдесят за погрузку.

Санька оплатил покупку, назвал адрес магазина, где будет их ждать.

— Так мы туда, кажись, позавчера три стекла увезли? Это не для Бибо?

— Разбили одно, ребят. Товар хрупкий. Я буду ждать.

В Сбербанк шёл с приподнятым настроением. “Ну, рынок! Обман один. Я ему покажу два тища и сто за моральный ущерб”, — ликовало в душе. Но короткий приступ везения также внезапно закончился. Ещё в очереди к кассе Санька почувал тревогу. Уж слишком некрасивая и вредная сидела за столом девица: худощая, с челочкой, с длинным острым носом, очень уж подозрительно смотрела на документы, разглядывала в лупу валюту. Когда очередь подошла, подал в окошечко паспорт, вложив в него заранее приготовленную купюру. Но девица неожиданно заинтересовалась не долларом, а его паспортом.

Санька присмирел, чувствуя неладное. Давно собирался сфотографироваться и сменить паспорт, мимо милиции каждый день ходит, да всё откладывал, лентяя постоять в очереди. Хотя, честно сказать, сменять паспорт мешала ещё и одна дурацкая мысль. Однажды, заглянув к нему в паспорт, Наталья посмеялась, мол, с таким не только за границу, даже в загс не пустят. Саньке понравилось, что паспорт охраняет его холостяцкую жизнь, и он решил: “А пусть валяется, может, пригодится...” Так, на всякий случай. И сейчас, подвигаясь к окошечку, он кожей чувал, что гладко всё не пройдёт. И как в воду глядел! Девица, полистав паспорт, вложила в него Санькин зелёный и вернула ему назад.

— А в чем дело, девушка?

— С таким паспортом валюту обменивать пришёл?! И не думайте! Вам сколько лет, гражданин?

— При чём тут возраст, девушка? Мне же не пятнадцать лет!

— Не сомневаюсь, но почему вы новую фотографию не вклеили и паспорт на российский не обменяли? Валюту он обменивать пришёл... — она проглотила какое-то равнееся наружу слово.

Постояв посреди зала в раздумье, Санька ретировался. От Сбербанка ноги повели его на рынок, где он себе на грех вспомнил рассказы Бибо о том, как охотно торговцы импортом покупают на рынках доллары с рук, и даже по более высокой, чем в сбербанках, цене. Пройдясь по рядам и примерившись, подошёл к женщине, торговавшей кожаными куртками. Не тут-то было! Торговцы в ответ только головами качали, но у крайней палатки подошедший молодой парнишка-цыган поманил его за палатку и сказал, что знает человека, который завтра едет за товаром и ищет валюту.

— А по какому курсу? — деловито спросил Санька.

— Прости тридцать, сотня моя будет, ладно? — цыган подмигнул.

— Только меняют без свидетелей. Чей бакс? Твой, Шурка? Смотри, не надуй меня. Сейчас приведу Гоги, не мямли только. Тридцать, и стой на своём. Жди, Шурка.

Вскоре цыган появился с коренастым кавказцем в чёрной кожаной куртке и с калькулятором в руке.

— Почём продаёшь, земляк? — спросил он заговорщицки, когда цыган отошёл в сторонку. — Тридцать? Ну, давай сюда, покажи!

Санька достал из паспорта купюру и подал покупателю. Забавляло, что продаёт деньги за деньги, представил, как расскажет об этом Петьке. И отвлекся. А пока укладывал в карман паспорт и оценивал растущее к нему уважение Петьки, кавказец переменялся в лице, сунул в свой карман купюру и, громко закричав: “Фальшивая! Фальшивая!”, метнулся в толпу.

Оцепенение у Саньки длилось всего несколько секунд. Санька рванул за угол, куда только что скрылся кавказец, но дорогу ему преградил невесть откуда взявшийся амбал, тоже кавказец по обличию, который схватил Саньку за грудки и стал зачем-то трясти его изо всей силы, крича:

— Мужчина! Как тебе не стыдно, мужчина! Фальшивая! У тебя есть совесть, мужчина! Что ты делаешь, мужчина! Фальшивая!

Был Санька выше среднего роста, крепок в кости, сухощав, при случае мог постоять за себя, с поля брани не бегал и при опасности не бледнел. Боднув головой в грудь амбала, вырвался из его цепких рук, но менялы уже и след простыли. Санька хватил к выходу, но пробежав десяток метров, вернулся назад. Он сообразил, что амбал заодно с менялой. Он походил на испуганного коня, который, оборвав построжки, не знал, куда бежать. А люди даже не заметили, что его ограбили на их глазах посреди бела дня. И лишь те, кто стоял поближе, заподозрили по лицу взъерошенного, бледного от волнения Саньки что-то неладное.

— А чё, чё такое случилось? — спросил его старик в пыльной розовой панамке и белых кроссовках, продававший рядом с палаткой картошку из мешка. — Обокрали, что ли?

— Ну, да. Ты не знаешь, что за люди?

— Какие? Я никого не видел. Яп-понский городской! Сколько? Сто баксов! Днем?!

— А цыганёнка не видел, который его привёл?

— Который мимо пробежал, что ли?.. Я думал, он просто так бежит.

— Ага, стадион тут!..

Поняв, что дальнейшие расспросы ничего не дадут, он быстро пошёл к выходу, чтобы не привлекать к себе внимание. Всё в его груди ходило ходунном, ему казалось, ещё ни разу в жизни его не обманывали так коварно и низко, как сегодня.

На улице Санька затосковал, не зная, как быть: пойти ли к знакомым и уже с ними поискать обидчиков, или в милицию, благо свидетелей он запомнил.

Милицию Санька отверг по причине просроченного паспорта и темной ситуации, в которой он попытался обменять злополучную купюру. Напрягать родных, предстать перед ними в дурацкой ситуации ему тоже не хотелось. Да если бы не Наталья и не её горькие слёзы, которые она лила на его плече, он вообще никуда не пошёл бы, а сел бы на автобус и уехал домой. Решил поискать цыганёнка, а с его помощью — менялу. Санькин покойный отец, заядлый лошади, выбирая лошадей для колхозной конюшни, нередко прибегал к услугам цыган, поэтому Санька считал себя знатоком их психологии и обычаев. Идя по улице, он стал спрашивать у пожилых людей, где здесь сейчас живут цыгане? Вскоре старушка, пасшая двух коз в сквере, рассказала, что живут они в бараке у первой шахты, и показала дорогу. Найти там искомого цыгана Саньке не составило труда.

Поразило, что цыган Коля не только не испугался, но и не удивился появлению Саньки.

— Смотри-ка ты, пришёл! — радостно встретил он Саньку.

— Помаленьку, помаленьку, а всё ж таки разыскал меня и пришёл! И правильно сделал, что пришёл. А я думаю, ну жель же Шурка им так спустит? Искал, искал тебя по всему базару, а его и след простыл! Куда делся, Шурка?

— Ух какой! — возмутился Санька. — А чего сам сбежал? С ними заодно?

Тут уж весь барак встал на защиту цыгана Коли.

— Ишь, какой умный! Цыган стой да жди, пока милиция повяжет! — закричали дружно женщины со всех сторон.

— Молодец, Коля, как услышал, что милиция, пятки смазал да бежать! Вор драпака, а цыган стой? А кто отвечать будет? Опять всё на бедного цыгана свалят!

— А кто вора на меня навёл?

— А на лбу не написано, кто вор. Коля сам сто рублей потерял, цыган хотел на хлеб заработать! У Николая семья, троих детей кормить надо, жёну одевать молодую. Мужик из-за тебя в переплёт попал!..

Это известие окончательно поразило Саньку: цыганёнку на вид не больше шестнадцати лет, в сыновья ему годится, а уже мужик и трое детей у него! Не верилось!

В ту минуту откуда-то выскочила и завертелась у его ног маленькая, лохматая собачонка, с худым и вертлявым хвостом. Такие в изобилии ошиваются вокруг цыганских домов в напрасной надежде наткнуться на что-нибудь съестное. Покрутившись у его ног, кобелишка вдруг встал на задние лапы и, обхватив Санькину ногу передними, стал делать непристойные движения, нагло заглядывая ему в глаза карими глазками. То ли его специально этому цыгане дрессировали, то ли всё случайно вышло, но Санька опешил и даже покраснел от стыда. Он с отвращением оттолкнул кобелишку от ноги, но тот вновь набросился на неё. Санька снова оттолкнул. Цыганки громко загоготали, а самая толстая из них выкрикнула:

— Вот, вот, тебя обули, а цыган Коля виноват. Иди давай отсюда, пока на тебя милиционеров не науськали! Сам, небось, одного только сделал, а цыган за всех вас отдувайся! Рожай вам по пяти и корми!..

Тряся подолом, цыганка пошла в барак, за ней потянулись и другие, и скоро Санька остался один во дворе. Ах, как чесались руки взгреть кого-то за обман, за позор, который он претерпел. Вот так бы взял своими руками и разметал. Но кого? Собаку? Бибо, который зажал его деньги и этим понудил вставлять злополучное стекло? Или цыганёнка Колю, отца троих детей? Или мошенников, которые обманули его?

И всю дорогу, пока он ходил по городу, размывая свою тоску и позор, у него было такое чувство, будто кто-то смеялся над ним сзади, давясь беззвучным смехом. Он даже не раз оборачивался назад. Нет, сзади никого не было, а чувство, что за спиной над ним смеются, не оставляло.

Ноги опять повели Саньку по городу. Что-то надо было делать, не возвращаться же домой без денег. Шёл, думал о Наталье, вспоминал, как она появилась в Сходне, Ветка ещё в школу не ходила. Санька сразу положил на неё глаз: крупная, беловолосая, с серыми внимательными глазами. Ему нравилось, как она ходит по посёлку, по магазинам, что-то разглядывает, с толком покупает. И Ветка была матери под стать, обещала повторить такую же неспешную, спокойную, большую. Сходненские женщины долго к ней присматривались, ревниво заслоняя мужей при встречах с ней собой. Наталья о своей личной жизни никому не плакалась, романов не заводила. Да и с кем? Свободными в Сходне оказывались так, кое-что: пьяницы, забудьды да чудачки вроде Федора Камышева, эти даже и не пытались подружиться с ней, такой серьёзной и самостоятельной.

Выпутавшись из тесных дворики и цепких переулков, Санька вновь вышел всё на ту же единственную в шахтёрском городке площадь к помпезному, с колоннами Дворцу культуры, построенному почти напротив такого же помпезного ресторана “Оковский лес”. Ресторан превратили теперь в десяток закусочных, распивочных, забегаловок и кафе под звучными и многозначительными названиями “Викинг”, “Большой гамбургер”, “Чаша Грааля”. Одно заведение называлось совсем непонятно: “Мишпоха”, над ним светились семь шестиугольных звёзд.

Санька призадумался, куда направить стопы, и решительно двинул к рынку, но неожиданно нос к носу столкнулся со своим одноклассником Глебом Воскресенским. Тому пришлось даже окликнуть Саньку, так как Саньке, честно говоря, даже и не хотелось после пережитых сегодня неприятностей с кем-то говорить.

— Александр! Ты ли это?

С Глебом он дружил ещё с раннего розового детства, когда тот жил на одной с ним улице в помещении ветеринарной лечебницы, бегал к нему за книжками. Мать Глеба работала ветврачом, а отец учителем математики. Потом они переехали в учительский дом, но их отношения навсегда остались такими тёплыми и сердечными, какие бывают у людей, переживших общее розовое детство.

Глеба с детских лет все звали по-взрослому Глебом. И не только учителя, но и старшие мальчишки, и взрослые. В полудеревенском царстве Санек, Витек, Ванек и Вовок в Сходне он всегда был и оставался для всех Глебом. Удивительно, что и в ответ Глеб всех мальчишек называл полными именами: Алексей, Иван, Александр. Он и рос и вырос Глебом, закончил медицинститут, сейчас работал в поликлинике рентгенологом. Видный, высокий и весь какой-то “настоящий”, как определила его после случайного знакомства в Доме культуры Наталья. Он и женился поздно, теперь растил двух мальчишек, которых называл также по-взрослому: Пров и Влас. Глеб ещё больше посерьёзnel с их последней встречи зимой и бородкой, которая появилась у него, стал смахивать на священника.

— Ну, давай, зайдём в кафе, что ли? У меня часа полтора есть, поговорим хоть, как там дома, расскажешь?

Они зашли в кафе “Ивушка”, сели за свободный столик, Глеб заказал два кофе, печенье. Санька выпил кофе и вдруг рассказал Глебу всё, как на исповеди. Про Наталью, про ночной разговор, про то, как стекло вчера разбилось, про поучения Диктора и тары-бары с Петькой. Рассказал и о том, как час назад его причесали два кавказца на рынке.

Глеб смеялся так, как только он и умел смеяться: от души и совсем не обидно. А когда Санька рассказал ему про цыган и собачку, задумался.

— Цыган, значит, за всех отдувайся... Позвоню-ка я сейчас в уголовный розыск.

— Да не надо, Глеб! Ты что! У меня же паспорт просрочен!

— А у меня не просрочен.

Глеб достал мобильник, набрал номер милиции. Санька всегда завидовал его свободе, тому, как у него всё серьёзно и осмысленно. По тону разговора

со следователем чувствовалось, что и здесь его не только хорошо знают, но и уважают, и с милицией он на короткой ноге. И казавшаяся полукриминальной история обмена доллара на рынке в устах Глеба неожиданно стала приобретать совсем не криминальный смысл:

— Сергей, что-то вы работать стали вполсилы... Да друга моего среди бела дня в нашем городе мошенники обобрали... На рынке. Вытащил доллар на рынке, два кавказца выхватили из рук и сбежали... Зачем, зачем?.. Случайно вытащил, полюбоваться решил... Какие все мы подозрительные, когда дело валюты касается. Ну, хотел побыстрее обменять, с кем не бывает? Не преступление же это. А вы менял ловите, если это преступление, пусть не провоцируют... Цыган Коля их навел, знаешь такого? А я знаю. Вот почему он ещё на свободе?.. С наркотой его брали, на перепродаже краденых мобильных ловили?.. Заявление мы сейчас занесём, ты давай-ка по горячим следам сделай доброе дело. Мне кажется, дело чести помочь мужику... Твоих соотечественников унижает и обманывает чёрт знает кто, а мы ищем какие-то отговорки. Ну, плохой народ, доверчивый, но другого народа у нас нет... Отзвонись по этому номеру, если что узнаешь...

Глеб сложил трубку и улыбнулся:

— Обещал помочь, если те не смыслись. Не сегодня-завтра я тебе позволю. Знают и Коло, и амбала этого и ничего не делают. Ждут какой-то команды сверху. Какой?! — Он помолчал, неожиданно спросил: — Любишь её? Или так?

Санька пожал плечами:

— Мне же не восемнадцать...

— Ясенько... Не тёпел и не холоден, что ли?

— Скорее тёпел, — подумав, сказал Санька. — И к девочке привык уже.

— Ну, так и женись, Панург! Женщина добрая, красивая, со стержнем. Или, как всегда у нас, во всём мамка виновата?

Он сказал, и в голове Саньки всё как будто перевернулось. Не Наталья, как в разговоре с Ротаниным, а он получался за всё в ответе.

— Только, Саша, знаешь, что?.. Если ты эти деньги на чёрный день собираешься употребить, ничего у нас не получится. Не бери грех на душу и меня в это дело не втягивай.

Санька вопросительно глянул на Глеба.

— Ты хоть понимаешь, что всё, что с тобой сейчас происходит — не случайно?..

— Смутно пока что, Глеб...

— Да случайно таких совпадений, Саша, не бывает. Ты прикинь: сначала стекло у тебя разбилось, потом Пётр твой доллар засмеял. Потом в Сбербанке кассирша к паспорту придралась, несмотря на то, что тебе сорока шести лет ещё нет, она не права. А в довершение этот злостный доллар кавказцы спёрли. Неужели не врубаешься? Ты зачем деньги ищешь? На оплату киллера! А Господь тебя пытается остановить.

— Какого киллера? Я что-то не пойму.

— Сам же сказал, что держал эту бумажку на чёрный день... Вот он для тебя и настал. Если проще, ты ищешь деньги на гинеколога, чтобы оплатить убийство своего наследника.

Санька смутился.

— Ну, кто он, как не киллер — гинеколог? Тот же римский солдат с копьём, который прободал печень Христа. Хотя ещё до рождения, но уже человека.

— Ну, какой ещё там человек...

— Самый что ни на есть *Номо сариенс*, поверь мне, бывшему врачу-рентгенологу. Представь Деву Марию в гинекологическом кресле. Ведь не представишь.

— Деве Марии была благая весть.

— А к какой из нормальных женщин не приходит ангел перед зачатием? Потому они и идут на всё, лишь бы родить. Если не отморозки какие-нибудь. Уж я-то знаю. А ты думаешь, зародыш не чувствует опасности, ко-

торая ему грозит? Ещё как чувствует! Червяк чувствует, когда его из-под лопаты хотят в банку загрести, в землю уползает со страха. И он там лежит внутри и со страхом ждёт, что решат эти двое, его зачавших. Больше скажу: родившись, он потом несёт этот страх всю свою жизнь, поверь мне. Даже если приговор этот отменили, всё равно они чужими будут. Потому что сгубить его замыслили. Вот откуда всё начинается. Отчуждение, робость наша, боязливость. Так называемая проблема отцов и детей. Всё очень просто, Александр.

— Да я совсем ещё ничего не замыслил... И она, думаю, стгоряча сболтнула. Искала у меня поддержки, а я к Роганину побежал за советом.

— А деньги зачем?

— Шут его знает, растерялся. Хожу вот, думаю, что делать? Как снежный обвал... К тебе даже в поликлинику намечал зайти...

— Александр, я тебе сейчас скажу один секрет, только тоже пока никому. Я скоро сан получу и, по всей вероятности, перееду в Сходню. Будем реставрировать и открывать храм Покрова Богородицы на Ручьях.

Санька рот открыл от такой новости. Только сейчас он понял, что изменения в облике Глеба не случайны. Бородкой, интонациями речи он и правда стал похож на священника.

— И знаешь, — продолжил Глеб, — Бог тебя послал, я о тебе уже не раз эти дни вспоминал. Ты же профессиональный строитель, прорабом работал, не редиска из Средней Азии, мне как раз такой и нужен. Чтобы и людей знал, и технологию, и стройматериалы, и сопромат. Церковь строение серьёзное. Пойдёшь?

— Церковь на Ручьях реставрировать? Дело хорошее, но мне, Глеб, нужно крепко подумать...

Санька вдруг словно очнулся после сна, глаза его заблестели. Санька хоть и носил на шею подаренный матерью крестик, но не молился и глубоко верующим себя не считал. Хранил в памяти её рассказ о том, как она окрестила его во Ржеве тайком от отца, пока тот пил на рынке пиво. Он не раз пенял Глебу, который и молился и посещал церковные службы, что не только власть, но и церковь повинна в бедственном положении именно русских, православных людей. Что церковь не защищает их интересы перед богатыми и сильными мира сего, попала в зависимость от них и от власть имущих. Власть отдалилась от людей дальше, чем коммунисты, и вызывает у народа смех, когда на Пасху или Рождество стоит перед камерой со свечками в руках. Алкаши так и называют их: подсвечники. Приезжая в Шахтёрск, Санька раньше всегда заходил в местный храм, чтобы поставить свечку и послушать службу. Но теперь делал это всё реже. Его раздражало, что здешний батюшка Александр подъезжал к храму на “Мазде” в гражданском костюме, спешил пройти мимо нищих. Он спросил как-то у Глеба, не противоречит ли христианскому духу ездить на таких дорогих машинах рядом с бедными прихожанами? Глеб тогда промолчал...

И сейчас Глеб чувствовал, что задел слишком большую для Саньки тему:

— Да помню, помню, как ты в девяносто третьем переживал крушение своего “Сельстроя”, повальную безработицу в Сходне.

— А как ты хотел? Пятнадцать лет моей жизни, моих трудов зараз выбросили псу под хвост вместе с заработанными деньгами. Разрушили, а делать нового ничего не начали, кроме своих воровских коттеджей. А безработица так и осталась, только половина безработных уже спилась и перемерла.

— Дело знакомое: сначала до основания, а затем...

— Ты умный человек, Глеб... Неужели нельзя было не рубить под корень, а усовершенствовать старое хозяйство. Нет, действовали как враги. Ждал всё, что новое начнут. А они нарочно нам кислород перекрыли, чтобы жулики строительную базу приватизировали: доки, кирпичные заводы, железобетонные комбинаты, а потом пустили всё это на свои рублёвки. Я тогда и правда сломался. Да не я один. Стройки замерли, денег нет, спирт “Роял” хлынул по стране. А потом озверевшему от спирта народу разрешили крушить замороженные стройки, скотные дворы, зернохранилища, снимать шифер с крыш и безнаказанно тащить всё домой... Знаешь, как было видеть

всё это безработному прорабу? Действительно и страшно, и обидно. Ходил по лесам с ружьём, стрелял зайцев на обед и готов был сам где-нибудь в чаще рядом с убитым зайцем застрелиться.

— Понимаю, Саша. В своё время вот так же и забитые церкви растаскивали. Мне дед рассказывал. Хорошо ещё, что старую власть с крыши не стали сбрасывать. Попов, случалось, вниз головой с колоколен бросали.

— А надо бы было. Денежки тоже умели хорошо в землю зарывать. Только я ведь не об этом, Глеб. Вот восстановим мы церкви, даже новые построим. И что? Церковь молока детишкам не нальёт, хлебом не накормит. Она нищих — и то всех накормить не может. И работы всем не даст, и детям образования, и стариков не вылечит. Ответь, что дальше делать?

— Отвечу. Не хлебом единым жив человек...

— Э-э!.. Любил я это выражение, когда наряды бригадам закрывал в конце месяца. Только ничего оно не объясняет людям сегодня. Ну, разрушили старое, растащили по дворам, отреставрировали тысячи храмов, потратили на это миллиарды народных рублей, пустили по ветру десятки тысяч семей. Детей, ждавших от безработных и пьяных родителей защиты и хлеба, обратили в беспризорников. Миллионы будущих матерей отправили на панель, превратили в проституток. И что? Вот спрошу тебя, Глеб, словами, что мы в школе учили: хоть одна слеза замученного педофилом ребёнка оправдывает хоть один позолоченный купол? Ведь всё равно, если нам выпало ещё жить на этой земле, нужно будет поднимать хозяйство, строить скотные дворы, зернохранилища, которые вчера зачем-то растащили, осушать заново болота. Зачем ломать было, если деньги все ушли на усладу плоти всякой дряни? Заколдованный круг получается: сначала храмы рушили, переделывали их в зернохранилища, теперь зернохранилища будем переделывать в храмы. Нельзя было по-другому всё сделать?

— Вопрос, наверное, не ко мне. Но со своей стороны могу ответить: реставрируем, втайне желая, чтобы построить всё разрушенное вновь, но уже с чистой душой.

— Ха-ха! — рассмеялся Санька, показывая худые зубы. — Она что же, у народа нечистой была?

— А ты вспомни пьянки, мат, грязь, хлам на стройплощадках, бескормицу на фермах, пьяных доярок, маститное молоко и всё прочее, что тогда не давало покоя. Не отсюда ли всё это в нашу жизнь перешло?

— Но и с храмами человек пока не стал ни добрее, ни чище, ни духовнее. Посмотри, сколько вокруг несчастных, сколько бомжей и таких, как я, растерянных, неприкаянных. Уже и до Сходни беда докатилась, бомжи есть. Надеюсь, что вы хотели не этого.

— Спасибо за доверие. Только не отвергай сразу, Александр, подумай.

— Хорошо. Учти только, что я не воцерковленный, так, кажется, у вас говорят. Я хоть и считаю себя православным, но душу советский...

— Это как раз не так уж и плохо. Только не суди так яростно, обрати суд на себя...

— Да я понимаю, Глеб. Но сам ведь говорил, что в девятнадцатом веке поповский дом был больше похож на крестьянский, не выделялся архитектурой, как дворянский или купеческий.

— Тут я согласен. Если народ и церковь сообщающиеся сосуды, то уровень жизни должен быть один. И у власти и народа, кстати тоже.

Тут в кармане Глеба заиграл мобильник. Позвонил Козлов из милиции и просил срочно просил придти к нему обоим.

— Вот видишь, как всё удачно складывается, пошли скорей.

7

Через пять минут, скрипя ступенями затертой до дыр деревянной лестницы, они поднимались в помещение уголовного розыска. Глеб и тут знал все зигзаги коридоров, уверенно шёл впереди, Санька следовал за ним.

— Этого, что ли, обули? — спросил у Глеба майор, когда они вошли в

обшарпанную комнату с решётками на пыльных окнах. На столе перед майором Санька сразу увидел свой “зелёный”, а против него, у стены, под портретом Дзержинского, сидели знакомые кавказцы, правда, уже переодетые в светлые ветровки. Тот, что выхватил его купюру и убежал, видя, как приветливо поздоровался с Санькой следователь, вскочил с табурета и заиграл ему медовой улыбкой:

— Слушай, земляк, ты куда убежал?

— Я убежал?! Вы что, сговорились? Я тебя бросился догонять! Вот куда ты побежал с чужими деньгами?

— Испугался я, земляк! Клянусь, испугался. Вижу, доллар как будто фальшивый. Клянусь, первый раз такой вижу, мы с Аршаком заявить хотели.

— Смотри, какой робкий и законопослушный! — улыбнулся майор Глебу. — Фальшивого доллара испугался и побежал. Это что-то новое.

— Действительно фальшивый доллар, Сергей? — спросил Глеб. Майор повернулся к Саньке:

— Тряпкин, откуда ты его взял?..

Санька похолодел, вспомнив прогнозы Петьки.

— Дома в шкафу лежал. А что?

— И сколько лет лежал?

— Года четыре. Рассчитался олигарх один из-под Волоколамска, камин я ему сложил. Неужели фальшивый?

— Доллар стопроцентно настоящий, только ещё довоенный, старого образца. Таких фальшивомонетки не делают и у нас обменниках уже не обменивают. Только в Москве, в Центробанке. Или в США поезжай. Нет, правда, Глеб. Вот Гогия и выдаёт его сейчас под фальшивый.

— Испугался, товарищ майор! Хотел в милицию заявить, но он убежал куда-то. Чистые мы, клянусь, чистые, фруктами торговать хотели.

— А ты зачем его за грудки держал, Барсегиан?

— Боялся, что он Гогу бить начнёт.

— Ах, ёлы-палы, какие робкие и предупредительные ребята! Один деньги спер, а другой боялся, что его бить за это будут. Вот за испуг ты сейчас считаешься. Какой сейчас курс?

— Тридцать.

— Отдашь по тридцать — и разошлись. “Зелёный” пока у нас. И чтоб я на нашем рынке больше вас не видел. Завтра зайдите в девять утра, будем решать, что с вами делать. Поняли?.. — Гогия с радостью полез в карман, выхватил кошелек для расчёта.

— Э, э, ещё надумали! Вы мне тут обменник не устраивайте. Марш в коридор и на улицу!

На улице все забрались в фургончик к Гогии, там он и рассчитался с Санькой. А Глеб и здесь остался самим собой, провёл с кавказцами политинформацию.

— Ребята, вы сюда работать или обманывать людей приехали?

— Клянусь, испугались! Случайно вышло! — воскликнул Гогия.

— Вы христиане?

— Канэшно! Мы православные. Смотри, крест, — и знакомым, не раз виденным Санькой у Бибо жестом расстегнул куртку, чтобы показать золотённый крест на волосатой груди.

— А если христиане, должны знать, что сам Господь запрещал нам клясться. “А Я говорю вам, не клянись вовсе, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным...”

Кавказцы присмирели и вообще при Глебе уже не казались Саньке навсегда далёкими и пугающе чужими, как где-нибудь на улице или на рынке. В знак примирения и согласия Глеб попросил их подвезти его к храму, а Саньку доставить в Сходню.

— Доставите, отзовните мне, мы заберём заявление. И ты, Александр, мне из Сходни звякни. Думай о нашем разговоре.

Когда Глеб попрощался и вышел, кавказцы хором спросили: “А кто он такой?”

— Мой друг и священник, — сказал Санька, удивляясь тому, как ладно всё завершилось.

Кавказцы доставили Саньку в Сходню с ветерком, но дух примирения и согласия вышел из них быстро. Они все мрачнели и мрачнели и высадили Саньку не у дома, а на окраине села, у нефтебазы, как раз напротив храма Покрова Богородицы. Там развернулись прямо на шоссе и уехали, сказав, что дальше не их территория.

8

Мерзостью запустения повеяло на него после Шахтёрска от поросшей крапивой и молодыми лопухами Сходни, от полуразрушенной церкви Покрова Богородицы, на куполе которой буйно росли кусты жимолости, и кладбища за ней. Зашёл внутрь храма, заваленного обломками кирпичей, остатками иконостаса, профессионально осмотрел возможное поле своей деятельности. Работы обещалось много, и работы сложной. А начинать придётся с крыши...

В посёлок пошёл кладбищем. Тоже всё запущено и разгорожено. А какая стояла чугунная ограда вокруг кладбища! Лет пять назад лихие ребята сняли и увезли. Одни говорят, в металлолом, другие — на дачу новому русскому куда-то в Подмосковье...

На новом участке кладбища, у самой дороги, заметил знакомых ребят. Копали свежую могилу, уже стоя по грудь в земле. Они тоже его заметили и, показалось, слишком внимательно уставились на него. Сердце Саньки вдруг тревожно забилось, ноги, спотыкаясь, сами свернули с дороги.

— Кто, мужики? — спросил Санька издали.

— Чипок. Сгорел с домом вместе.

— Я же с ним позавчера виделся! Когда?

Чипок был его одногодком, служил на Дальнем Востоке ракетчиком, но часть его расформировали ещё при Ельцине, офицеров отправили на пенсию. Славка сначала работал в охране у Бибо, потом запил, его уволили, в последнее время вообще не просыхал, пил всё, что горит...

— Сегодня ночью. А хоронить — завтра. Виктор с утра приехал, дал денег на похороны. В общем, завтра в двенадцать похороны, в три Витька уезжает...

Ребята были чуть на взводе, Гешка Мануйлов, роняя крупный пот, весь белый от напряжения, выпрыгнул из могилы в лёгких тянучках, майке, синей наколкой на руках и груди. Вытряхнул землю из домашних тапочек, одышливо попросил у Саньки закурить. Видно было, как тяжело сердцу жить в его худом теле. Не желая лишних расспросов, Санька соврал, что ездил в город, до нефтебазы его знакомые мужики подбросили, а сейчас хочет к родителям на могилки зайти, родных проведать...

Петляя меж свежих могил, пошёл на старое кладбище, поражаясь разгугу Косой. Новое кладбище стало уже больше старого. И лежали здесь те, с кем учился, с кем в пионеры вступал, школу заканчивал, в армию призывался, с кем на промкомбинате работал, халтурил. Шёл и отмечал про себя: вон Васька Маторин, тоже сгорел вместе с домом... Иван Люшин замёрз за складами, лежал под забором неделю, собаки отгрызли нос и уши... Друг детства Генка Титов, писал стихи, в газете работал, выпал из окна общежития, или помогли выпасть... Нинка Егорова, первая красавица Сходни, уехала в город, пошла по рукам, теперь вот лежит рядом с сыном, тоже алкоголиком, а родители её ещё живы, учительствуют... Полсела ушло в землю за последние десять лет. Кто похитрей, поразворотливей, в администрации, в торговле, а эти в могиле. Может, правду говорит Диктор, времена наступают ещё более страшные, и Бог прибирает сегодня тех, кого любит?.. Ветерок шевелил венки, играл чёрными лентами, шелестел дешёвым станио-лем, целлофаном, шуршал бумажными цветами.

Так и дошёл до родительской могилы. Трава как свалывшийся войлок, оградка подернулась ржавчиной,obeliski похилились. У отца со звездой на вершине, у матери уже крестик высотой с вершок. Вдруг накатила тёплая волна навсегда уже, казалось, утраченной нежности к тем, кто лежал под

этими заросшими холмиками. Санька заступил одной ногой за оградку, протер ладонью эмалевый портретик матери. Отцу так и не удалось закатать, а собрался, ещё мать жива была.

Было тихо и влажно, но солнце уже разогревало воздух и здесь, в тени деревьев, и откуда-то от села густо накатывало сиренью. Санька присел на влажную ещё от ночной росы оградку. Мать он похоронил семь лет назад и с той поры толком могилу родителей не обихаживал. Все спешом, возвращаясь с чьих-нибудь похорон или спеша на похороны, всё обещая себе как-нибудь прийти, убраться на могиле, посидеть рядышком. Когда он был последний раз? И вспомнил! Когда хоронили Маторина, осенью прошлого года. Его торопили приятели, Сенька Чипок даже свистнул своим разбойничьим свистом, давай, мол, быстрее, чего телишься? На поминки спешили. Вот и сам досвистался. А потом забегал как-то летом, и тоже кого-то хоронили. Или зимой? Да, зимой, а запомнилось это потому, что не дошёл до своих могил, завяз в сугробе вон там под сосной. Покурил в отдалении, развернулся и ушёл, стараясь понадавать след в след и не набрать в сапоги лишнего снега. И ещё раз навещал, зайдя сюда с похорон Гешки Титова. Мать Гешку любила, всё Саньке наказывала: “Дружись с Гешкой, он вумный мальчик!” Его это очень раздражало, ребята с улицы смеялись даже, дразнились: “Эй, вумный мальчик!..” Санька опять ощутил в себе то смертное, молчащее, безусловное и родное, что пришло с ним в этот мир и что навсегда уйдёт вместе с его телом в какой-то день и час. То самое, что передали ему родители в нежный миг, когда раскрылись, как эти дикие цветы, росшие на могиле, и с чем они с Натальей не ведали теперь, что делать. Вспомнились её загадочные слова: “А ты вспомни, вспомни, Саш, если ты не деревянный! Это же не забывается...”. И действительно этот миг вдруг высветился в памяти, пульсирующий, понятный им обоим, когда он передал ей, может быть, самое важное, что должен был передать, оставить и сохранить на этой земле.

И опять вспомнил Наталью, её стол, заваленный цветными лоскутами, поделками. Наталья вела в школе рукоделье для девочек, говорила с особой интонацией: “Это, Саньк, моя несшитая жизнь...”. Она и ему нашла из этих лоскутков всяких ковриков, салфеток. Наталья наверняка понравилась бы матери основательностью, крупностью. Сама была немаленькой и любила крупных женщин, повторяла Саньке в молодые его годы: “Женись на большой, бойся маленьких женщин!..” А он бобылём остался. Даже толстая цыганка обманулась: “Сам, небось, одного только и сделал, а цыган за всех отдувайся, рожай по пяти, корми!..” Подумал: “Кормильцы нашлись, мать вашу!..” А потом вдруг испуганно: “Да нет же, правда, один уже есть!” И вдруг представилось, что в животе Натальи, как в матрёшке, маленький, прохожий на него человек. А он его извести хочет.

Сидел на оградке так долго, что свело ноги до самых ступней. Встал и чуть не упал на колени, так свело обе ноги. Ребята уже ушли с кладбища, на полуразрушенной колокольне шумно кричали галки. Превозмогая боль, пошёл, как старик, на полусогнутых к дороге, думал: “Все прогуляли, продымили, пропили. Уже вон и огороды не сажают, скоро землю копать только на кладбище и будут... Пора, пора братья за ум...”

Не сказать, что мысли эти не приходили в голову, приходили не раз, ещё когда мать жива была. Тяжело больная, тревожилась: “Саньк, берись за ум, женись. Засохнешь, как клятое дерево...” И слово давал, а сладкая свобода всё равно переманивала.

9

Встретил на улице Диктора, пилившего к ретранслятору на своей чёрной “шестёрке” с тонированными стёклами. Заметил Саньку, притормозил, высунул из машины голову:

— Ну, как дела, Сань? По лицу вижу, пронесло?

— Ещё как!.. Женюсь.

— Неужели?! — Глаза Ротанина загорелись, как у женщины. — Вот

это поворот, достойный Шекспира! Или денег не достал? Смотри, если только в деньгах дело, я займу.

— Не надо, Витя. Просто понял, что другого такого случая в жизни мне может и не представиться... Засохнешь, как клятое дерево... Слышал, наверное, что Чипок сгорел?.. Из нашего класса мы с тобой и остались, остальные уже все там. Походил сегодня по кладбищу — аж волосы дыбом. Как после Гитлера. Вот и дошёл, додумался...

— На свадьбу-то пригласишь?

— На мальчишник — обязательно. И с камерой. А свадьбы по известным тебе причинам не будет...

Поговорив с Ротаниным, Санька пошёл в общежитие к Наталье. Наталья в халате вешала во дворике бельё, на шее, как бусы, круг из деревянных прищепок, встретила его появление тревогой на лице. Чувствовалось, эти два дня дались и ей нелегко: под глазами синева, лицо без косметики. Санька бросил испытующий взгляд на её живот. Живот был всё такой же, чуть выпуклый, но Саньке показалось, что выпуклость чуточку увеличилась. Ему захотелось погладить её по животу, прижаться к этой выпуклости ладонью. Он вдруг остро почувствовал, что между ним и Натальей появился третий, и появился он не только по их воле. И что с этого момента они с Натальей могут быть за него или против него или существовать *отдельно от него*. И от того, что они выберут, будет зависеть судьба того, третьего. Наталья заметила Санькин взгляд и заметно покраснела.

— Знаешь, ты отвези Ветку на каникулы, а сама возвращайся. Давай с тобой вместе наш дом приводить в порядок.

— Это предложение? — спросила Наталья, и глаза её задрожали влагой. — Ты бы хоть предупредил, Саш.

— Предложение сделаю, когда паспорт обменяю и дом отремонтируем.

— Саш, какой же ты дурак, если подумал, что я эти две тыщи... Я и Ветку оставила одна... А здесь мальчик будет, я чувствую. Такой токсикоз начинается, что скоро меня не узнаешь... Саш, ты не бойся, если что, нам и Ветка, и мама моя поможет...

Потом Санька ушёл домой и лёг спать. И проспал до утра. И удивительно, что не заснул решимости начать новое дело, как это не раз с ним случалось.

Утром он первым делом занёс в милицию свой паспорт на обмен и заплатил штраф за просрочку. Затем пошёл к Бибо. Вынул из кармана чек из хозяйственного магазина и, глядя в его жёлтые глаза, сказал:

— Я тебе витринное стекло заказал в Шахтёрске, там его хоть завались, не надо будет в Москву гонять. Чек вот он. Сегодня привезу. Так что две штуки с тебя. И столтник за моральный ущерб, какой, знаешь. Давай менять расчётную политику, оформляй мне зарплату честь по чести, хватит мои пенсионные себе в карман уводить. Мне уже не пятнадцать лет, пора и о пенсии думать. И меньше чем за четырёста второе стекло вставить не буду. В Шахтёрске за пятьсот такие вставляют. Риск большой потому что...

Бибо слушал, и в глазах его переливались страх и ярость. Страх всё-таки взял верх. Когда Санька закончил и повернулся, чтобы уйти, он встал со своего вертящегося кожаного кресла:

— Э, постой, постой! — с тревогой и удивлением крикнул ему в спину Бибо. — Ты завтра стекло вставишь?

— Посмотрим, — ответил Санька. — Как вести себя будешь.

Вскоре соседи заметили перемены и в Санькином доме. Появилась новая хозяйка, знакомая им Наталья. Впервые за многие годы Санька распахал огород и посадил картошку. У Натальи давно руки чесались разбить под окнами цветник, что она и сделала. За лето они с Санькой отремонтировали веранду, поклеили в доме обои, покрасили рамы и крыльцо. Санька поставил новый забор, привёз машину берёзовых дров и, разделив их, сложил под навес в дровянике сохнуть.

А осенью срубил в огороде, у ручья, новенькую баньку.

В декабре у них родился мальчик. Крестил его новый сходненский священник отец Глеб в церкви Покрова Богородицы на Ручьях. Санька и там успел. С бригадой строителей настлал полы, сложил вместе с Петькой печку.

Назвали сына в честь Санькиного деда Иваном.